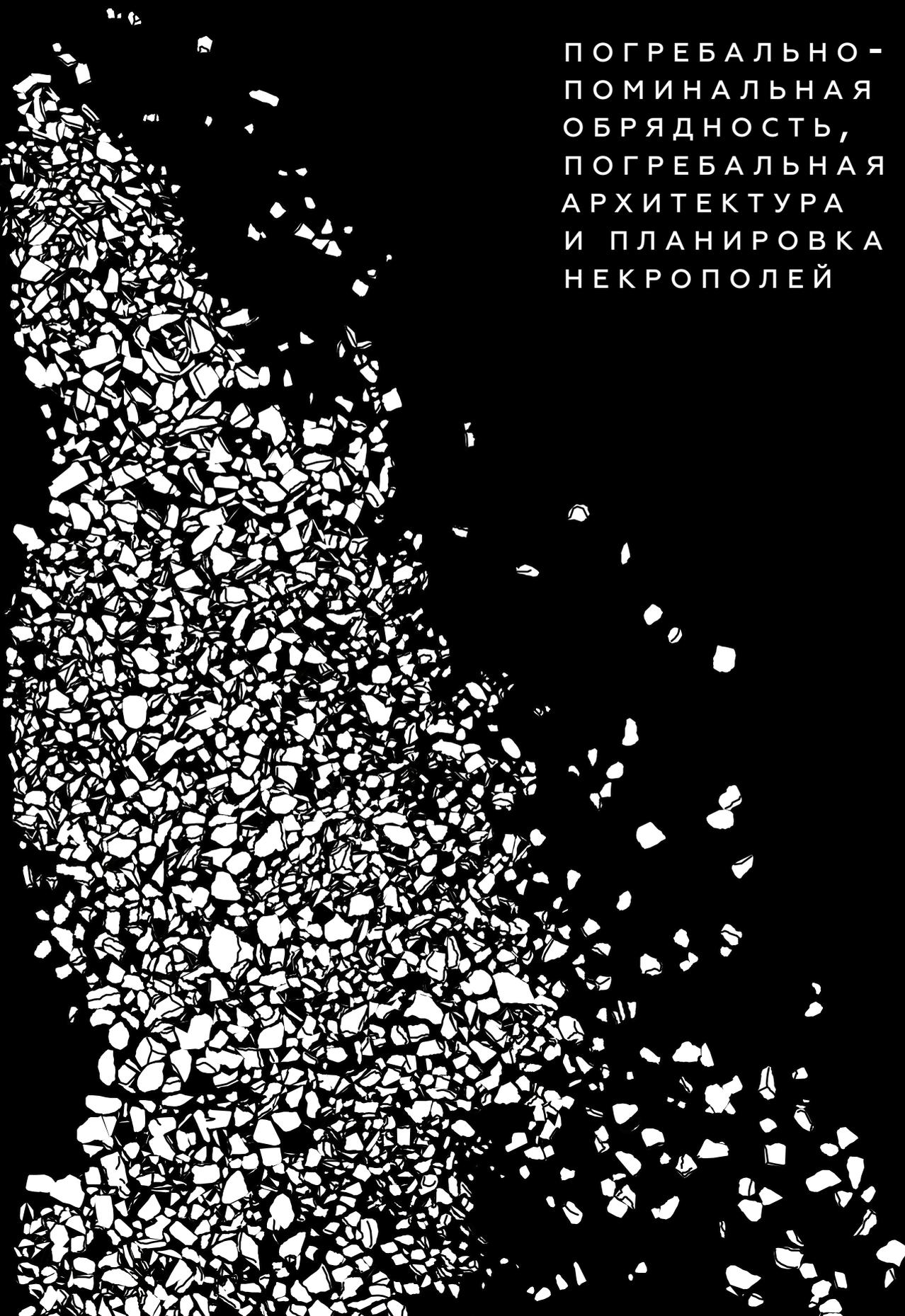

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядающих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

К. И. Тапбаева

К СЕМАНТИКЕ ВХОДОВ И ДРОМОСОВ В СРУБНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ВНУТРЕННЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Статья посвящена некоторым особенностям погребального обряда отдельных племен ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня, выраженных в конструкциях погребальных срубов могильника Кеден. Делается попытка семантического объяснения этих конструктивных особенностей в виде обозначенных входов и дромосов, хотя таковыми они не являются. Дается несколько вариантов их возможного назначения и объяснения.

Ключевые слова: Внутренний Тянь-Шань, могильник Кеден, ранние кочевники, саки, срубы, входы, дромосы, Пазырыкский, Бападарский, Туэктинский могильники Алтая, Беспатырский, Чиликтинский могильники Казахстана, обряд «протаскивания» и др.

В районе Внутреннего Тянь-Шаня Кыргызской Республики, в Нарынском р-не, на территории бывшего совхоза «8 марта», в течении трех полевых сезонов 1984, 1988, 1989 г. был исследован раннекочевнический могильник Кеден. Могильник располагался на второй надпойменной террасе правобережья р. Нарын, в 8–9 км юго-западнее от центральной усадьбы совхоза, в южной части широкой ровной террасы.

Могильник насчитывал около сотни курганов, расположенных по южному краю террасы, отдельными компактными группами (рис. 1). В центральной части могильника выделялась цепочка, вытянутая по линии север-юг из восьми крупных курганов, высотой до 2–2,5 м, диаметром 22–30 м.

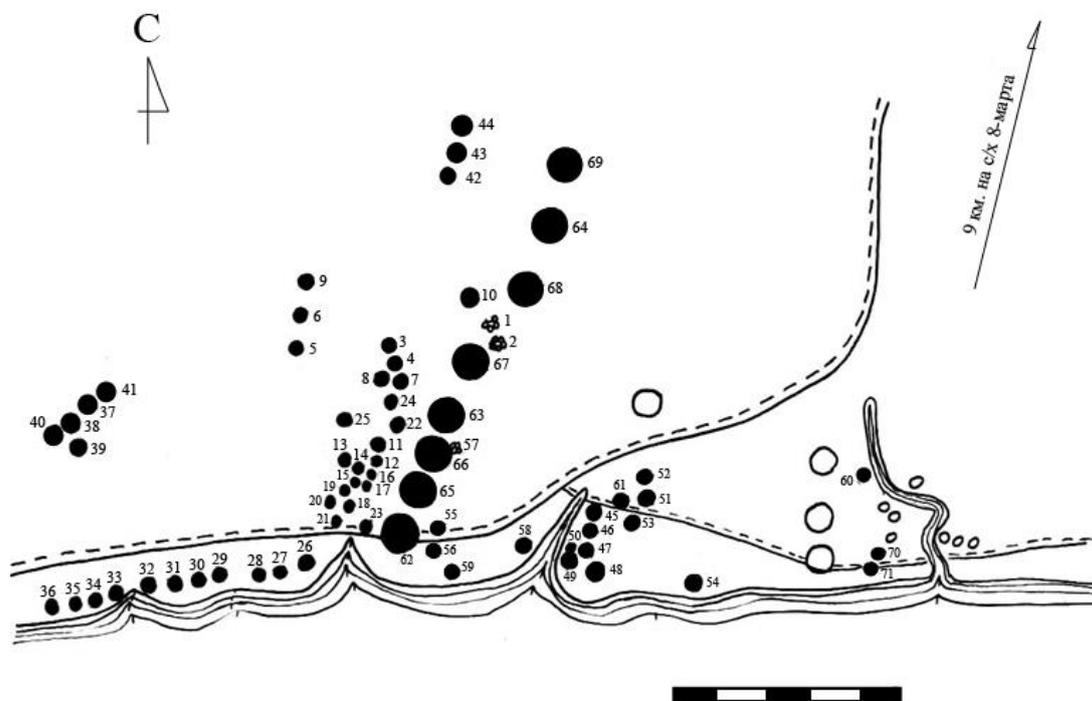

Рис. 1. План могильника Кеден

В могильнике за три сезона были раскопаны 71 курган, в том числе и восемь крупных, расположенных цепочкой. В основной массе захоронения в курганах совершались в грунтовой могильной яме, вытянутой по линии запад-восток, перекрытых деревянным накатом или каменными плитами.

Рис. 2. Могильник Кеден, курган 66. Разрез насыпи и часть каменной выкладки над срубом

В данной статье мы остановимся на материалах, полученных в результате исследований восьми крупных курганов, так как захоронения в них были совершены в деревянных срубах, что было обнаружено впервые на территории Кыргызстана. Но и в последующие времена, вплоть до сегодняшних дней, срубы могильника Кеден остаются пока единственными деревянными погребальными сооружениями для эпохи ранних кочевников в Кыргызстане, и им нет точных аналогий среди погребальных памятников Центральной Азии.

Во всех восьми курганах деревянные срубы из арчовых бревен были опущены в могильную яму. Могильные ямы были не глубокими, и, соответственно, срубы были невысокими (высота 1–1,2 м, в двух случаях — до 2 м), но просторными (длина 2,8–3,7 м, ширина 2–3,5 м) и имели перекрытия из таких же бревен, что и стены. Погребения были ограблены еще в древности, поэтому в срубах сохранились только части скелетов погребенных, фрагменты разбитых, иногда раздавленных керамических сосудов и незначительные предметы погребального инвентаря. Иногда по сохранившимся *in situ* костям ног и других частей скелета можно было определить, что погребенные традиционно были положены вытянуто, на спине, головой на запад (Ташбаева, 1995; 1996).

Расположение курганов в цепочке в центре могильника, крупные размеры их насыпей и просторные срубы в ямах свидетельствуют об особом статусе погребенных в этих восьми курганах, а также сохранившиеся фрагменты золотых нашивных бляшек на одежду, наличие более многочисленных керамических сосудов говорит о богатстве погребального инвентаря в них, к сожалению, ограбленных почти дочиства еще в древности.

Об особом статусе погребенных свидетельствуют и конструктивные особенности насыпей курганов в отличие от рядовых захоронений. Если попытаться реконструировать процесс захоронения, то это выглядит следующим образом. Выкапывалась просторная могильная яма, в которую опускали деревянный сруб. Затем на пол сруба, без деревянного настила, помещали умершего (одного), раскладывали обязательный сопроводительный инвентарь и перекрывали потолок сруба деревянными бревнами. Поверх перекрытия набрасывали плотным слоем уплощенные камни или валуны высотой до 1–2 м, диаметром, превышающим размеры могильной ямы. Затем, поверх каменной наброски, насыпали слой земли в 1–1,5 м. Получившуюся таким образом небольшую насыпь плотно обкладывали камнями в один-два или три слоя, называемую нами каменным панцирем. Поверх панциря вновь насыпали земляной слой высотой до 1–1,2 м и также укрепляли его панцирным слоем (рис. 2; 3, 1). От второго панциря в настоящее время сохранились только боковые части, что, естественно, произошло из-за постепенного оплыва верхушки насыпи и в результате уменьшения высоты кургана за прошедшие 2,5–2,7 тысячи лет.

Возможно, такие насыпи возводились не одномоментно, в период захоронения умерших, а в течение более длительного времени, когда совершались обязательные поминальные обряды. Таким образом, насыпи были укреплены каменными панцирными кладками в два, возможно и в три слоя при очень больших размерах курганов, что хорошо прослеживается по их разрезам (рис. 2 и 3, 1). Благодаря такой прочной конструкции насыпей сохранились их внушительные размеры в течение длительного периода времени, а также она препятствовала проникновению влаги во внутрь, что способствовало сохранению деревянных внутримогильных сооружений.

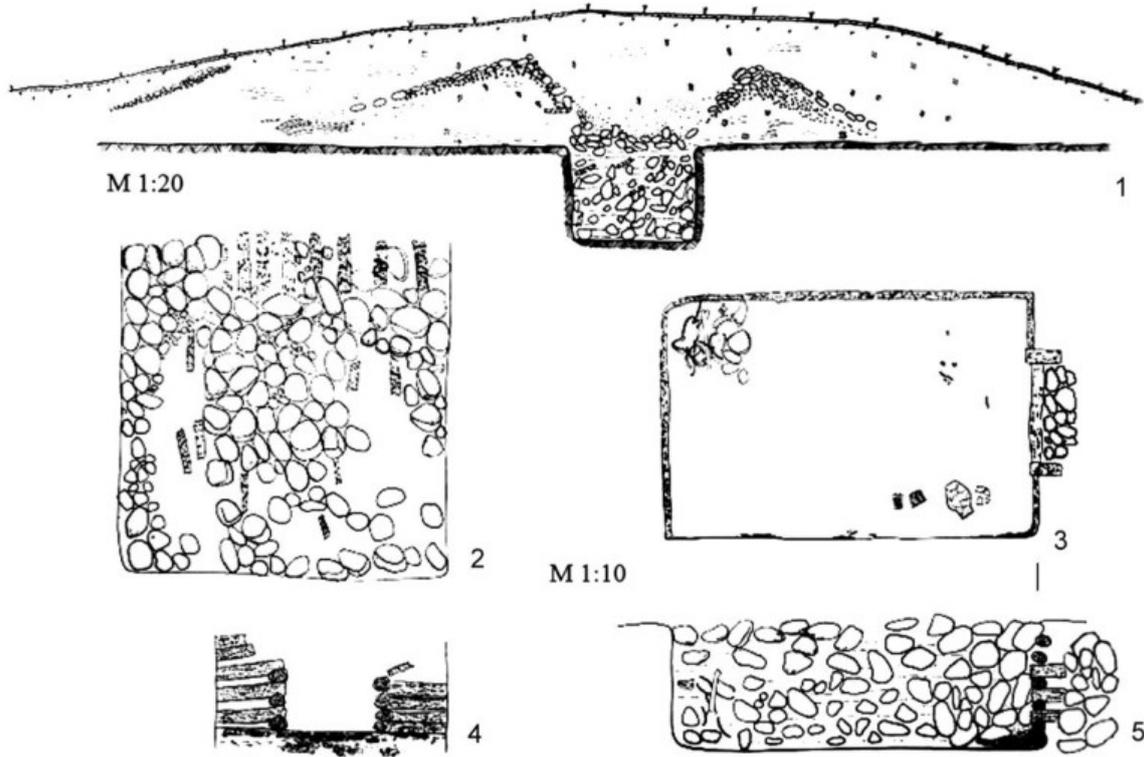

Рис. 3. Могильник Кеден, курган 62: 1 — разрез; 2 — каменная выкладка над срубом; 3 — план сруба; 4 — вход-проем в восточной стене; 5 — разрез ямы со срубом

В данной работе мы хотим обратить внимание на наличие в срубных конструкциях могильника Кеден входов и дромосов, обозначенных в восточной стене срубов. Судя по разрезам насыпей, где хорошо просматривались каменные забутовки дромосов, входы были во всех курганах. Но по сохранности стен срубов нам удалось четко проследить входы только в трех случаях из восьми (курганы №№ 62, 65 и 66). Так, в кургане № 62 вход был четко обозначен. Он находился в восточной стене и был шириной 0,85–1 м. Вход имел порог, образованный самым нижним бревном. Порог от дна ямы находился на высоте 0,20 м, то есть на толщину бревна. Края проема-входа были хорошо обработаны: небольшие обрубки бревен были положены между бревнами стен и перпендикулярно им в три-четыре ряда и выступали за пределы стены на 0,20 м (рис. 3, 3–5). За пределами сруба вход-проем был забутован крупными валунами.

В двух других курганах (курганы №№ 65 и 66) эти входы располагались в верхней части стены, ближе к потолку — перекрытию сруба. Они были шириной 0,60–0,75 м. и от них шел коридорчик типа дромоса, длиной около 4–6 м (рис. 4). Все дромосы были плотно забутованы камнями, также как и небольшие пространства между срубами и стенами. Входы-дромосы полностью оставались под насыпью кургана и не выходили за пределы насыпи.

Принято считать, что погребальные сооружения чаще всего имитировали жилища людей. В данном случае срубы тоже могли быть моделями жилищ, скорее всего, богатого сословия определенной части общества ранних кочевников. Вполне возможно, что высшее сословие общества ранних кочев-

ников имело не только юрты в качестве своих жилищ, но и дома в виде срубов, если они знали такую конструкцию для погребального обряда. Но надо иметь в виду, что такие деревянные конструкции возможны были только в местах, где имелись лесные массивы, или, по крайней мере, леса находились на более или менее доступных расстояниях.

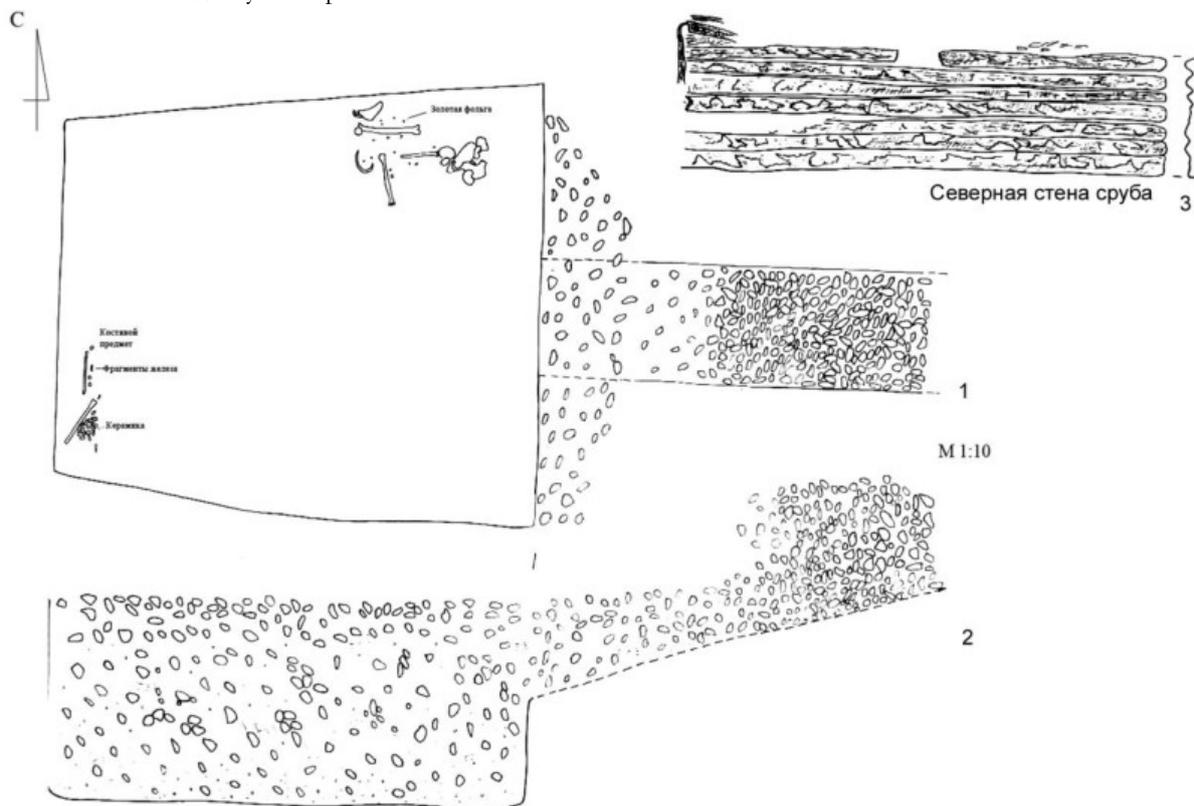

Рис. 4. Могильник Кеден, курган 66: 1 — план сруба и дромоса; 2 — разрез сруба и дромоса; 3 — северная стена сруба

В могильнике Кеден срубы были не наземными конструкциями, а опущенными в неглубокую яму, и умершего с сопроводительным инвентарем, без сомнения, помещали в погребальное место через верх. И в этом случае такой вход, как в кургане № 62, был явной имитацией двери, и вход выступал за стену сруба лишь на 0,20 м и упирался в грунт. Но в двух других случаях (курганы №№ 63 и 66), эти входы располагались высоко от пола сруба и за пределами сруба, они наклонно поднимались выше, имея ложе на древнем горизонте глубиной всего лишь 0,15–0,30 м. Видимо, когда сооружали насыпь, то в насыпи прокладывали и ложе дромоса, сразу плотно забутовывая его камнями. Считать их грабительскими лазами у нас нет оснований. Грабители прорубали свои лазы прямо сверху, в то время как все входы и дромосы могильника Кеден располагались строго в восточной части, имели прямые линии форм, были выложены плоскими или уплощенными камнями. Это были дромосы, вернее, их имитации, проложенные специально в соответствии с принятым обрядом захоронения определенной категории людей общества ранних кочевников.

Наличие этих входов в срубах, опущенных в яму, и их расположение не совсем понятны. Выполнять роль входов, через которые совершали погребения умерших, они не могли, каковыми, например, являлись дромосы в катакомбных сооружениях гуннской эпохи. Им явно отводилось другое назначение. Естественно, возникает вопрос, для чего они предназначались?

Захоронения в срубах на территории Кыргызстана не встречались ранее, если не считать Соколовского и Джергесского курганов в Иссык-Кульской котловине, раскопанных экспедицией А. Н. Бернштама еще в 1949 г., где, судя по многочисленным остаткам деревянных фрагментов, возможно, была срубная конструкция, но четко проследить ее во время раскопок не удалось (Бернштам, 1952. С. 50–57). В основном же в могильниках Кыргызстана эпохи ранних кочевников захоронения совершались в грунтовых могильных ямах, перекрытых деревянным накатом или каменными плитами.

В долине Кетмень-Тюбе, где было раскопано около 400 курганов в пятнадцати могильниках этого времени не встречена ни одна погребальная конструкция со срубом. Точно такая же картина наблюдается и в Алайской долине, где в свое время А. Н. Бернштамом и Ю. Д. Баруздиным было раскопано большое количество погребений саков (*Бернштам*, 1952; *Таибаева*, 1987; 2011. С. 36–53, 121–136). В Таласской и Чуйской долинах в курганах эпохи ранних кочевников также не встречена срубная конструкция внутримогильных сооружений.

При этом необходимо учитывать то, что раскопки курганов в Алайской, Таласской и Чуйской долинах проводились выборочно, по два-три или несколько рядовых захоронений некрупных размеров из могильников, в которых были иногда до нескольких десятков курганов. А в Чуйской долине и особенно в Иссык-Кульской котловине раскопки крупных элитарных курганов не производились вообще, и здесь не исключена вероятность наличия срубных конструкций. В этом плане отличны исследования, проведенные в долине Кетмень-Тюбе И. Кожомбердиевым в 60–80-х гг., в которых принимала участие и автор данной статьи, когда раскопкам подвергалась большая часть курганов могильника или же исследовался целиком весь могильник (*Кожомбердиев*, 1973; 1975; 1986; *Таибаева*, 1987; 2011). Однако, как было отмечено выше, в Кетмень-Тюбинской долине даже под большими насыпями крупных курганов, захоронения были совершены только в грунтовых ямах, перекрытых деревянным накатом.

Исследования во Внутреннем Тянь-Шане, проведенные под руководством К. Таибаевой в 80–90 гг. XX в. также отличались от предыдущих исследований А. Н. Бернштама и А. Кибирова тем, что раскопкам подвергались почти все курганы могильников, несмотря на их размеры и внешние данные насыпей. Только в результате таких исследований нам удалось получить более полную картину о погребальном обряде, материальной и духовной культуре ранних кочевников Тянь-Шаня, а также существенно новые данные в целом по культуре саков, населявших территорию Кыргызстана в I тыс. до н. э. (*Таибаева*, 1987; 1995; 1996; 2011; и др.). Эти данные позволяют также говорить об историко-культурных, а возможно, и этногенетических связях ранних кочевников Кыргызстана с населением сопредельных территорий, но более конкретно — Южной Сибири, Саяно-Алтая и даже Монголии.

Если обратимся к аналогиям за пределами Кыргызстана, то, в первую очередь, можно рассматривать погребальные конструкции могильника Беспатыр в Илийской долине на территории Казахстана. При этом надо отметить, что деревянные конструкции могильника Беспатыр являются наземными постройками, в отличие от других срубных конструкций времени ранних кочевников Центральной Азии, опущенных в яму. Беспатырские деревянные конструкции еще и не являлись срубами в классическом понимании их сооружения, как отмечал К. Акишев, автор раскопок. Боковые стены камер Беспатырского могильника были укреплены вертикально врытыми зажимающими столбами. Длинные коридоры-дромосы, по высоте на 1–2 м превышающие высоту камер, состоящие из двух отсеков, были также наземными. Наземным расположением деревянной конструкции погребальных камер и необычно высоких дромосов погребальные сооружения Беспатыра вообще отличаются от всех остальных синхронных памятников Центральной Азии (*Акишев, Кушаев*, 1963. С. 27–87) и до сих пор не имеют аналогий. Однако назначение дромосов здесь как входов в погребальную камеру очевидно. Хотя, конечно, возникает вопрос, к чему надо было возводить такие высокие и длинные коридорообразные сложные входы? Но это вопрос погребального обряда данной группы сакских племен, который, без сомнения, требует углубленного изучения.

Интересны срубные конструкции с дромосами-входами, обнаруженные в элитных захоронениях Чиликтинских курганов Восточного Казахстана, где дромосы также были проложены в восточной стороне и не очень заглублены в землю, были невысокими, длинными, но имели деревянное перекрытие. Автор раскопок считает, что они имели как практическое значение, так и ритуально-мировоззренческое. К сожалению, отсутствие в публикациях чертежей элитарных погребальных сооружений и особенно их разрезов (*Талеубаев*, 2013. С. 204–207 и др.) затрудняет понимание конструктивных особенностей этих сооружений.

Основная же территория, где распространены захоронения в срубках в эпоху ранних кочевников — это Южная Сибирь, Алтай и Монголия. В элитных курганах пазырыкской культуры также наличествует сруб, опущенный в глубокую могильную яму, но здесь отсутствуют входы и дромосы, что было прослежено по материалам Пазырыкского, Башадарского, Туэктинского и других могильников Алтая и сопредельных территорий (Грязнов, 1950; Руденко, 1953; 1960; Грач, 1980; Палосьмак, 1994; Кирюшин и др., 2003; и др.). Однако наше внимание привлекло то, что в Пятом Пазырыкском кургане на Алтае в южных стенах сруба (срубы были двойными) был прорублен проем размером 0,70–0,60 м, куда были вставлены семь бревен, заклиненных в стенке камеры таким образом, чтобы они придавливали крышку саркофага-колоды (Руденко, 1953. С. 54–56).

Таким образом, срубные конструкции могильника Кеден Внутреннего Тянь-Шаня наличием имитированных входов и входов-дромосов являются весьма своеобразными и на сегодняшний день не имеют точных аналогий в срубных погребальных конструкциях синхронного времени. Входы-дромосы могильника Кеден наводят нас на мысль, что элитные погребальные сооружения имели сложную конструкцию и внушительные размеры, а также укреплялись так прочно не только для того, чтобы сохранить их от грабителей и увековечить гробницы усопших вождей родов и племен, но еще и для иных целей.

В поисках разгадки этой конструктивной особенности курганов могильника Кеден мы натолкнулись на информацию, что древние египтяне на плоскости стены своих гробниц обязательно высекали рельеф, изображающий дверь. Это было просто изображение двери, которую невозможно было открыть, но по поверьям египтян, именно через нее душа покойного должна была попасть в коридор, называемый Ра Сетау, по которому душа усопшего выходила в потусторонний мир — Дуат. По представлениям древних египтян, дорога в иной мир начиналась с тоннеля, коридора — Ра Сетау (Двери Протаскивания), который соединял мир живых с миром мертвых.

По-видимому, известный в этнографии с обозримого прошлого обряд «протаскивания» умершего имел архаичные корни, уходящие во времена фараонов, который имел место и у других древних народов и племен, в частности, у некоторых сакских племен, проживавших в древности на территории Кыргызстана. Суть этого обряда заключалась в вере и ритуале символического пропускания или продевания человека через какое-либо сквозное отверстие, проем или просвет, в результате чего происходило его «перерождение и очищение от всего отрицательного». В похоронном же обряде подразумевалось, что душа умершего должна была пройти через символическую Дверь, что давало ему очищение от всего земного и возможность перехода в иной потусторонний мир.

Возможно, ложные входы и дромосы в срубных конструкциях могильника Кеден можно объяснить этим древним представлением и считать их своеобразным указателем пути в иной мир. Иначе невозможно объяснить наличие входа-двери, ведущего в никуда, то есть упирающегося просто в грунт и который невозможно было использовать как вход при совершении захоронения, то есть при помещении умершего на его погребальное место, также как ложные входы-дромосы, которые фактически не могли быть использованы как входы. Скорее всего, как и в гробницах древних египтян, они являлись символическими входами и дорогой в потусторонний мир. По представлениям людей, проживавших в этой местности в середине I тыс. до н. э. и похоронивших своих богатых сородичей особым способом — в срубках с ложными входами согласно принятому ритуалу, — проход в потусторонний мир находился строго на Востоке, судя по расположению входов и направлению дромосов.

В этнографической литературе известен обычай, распространенный у многих славянских народов, в том числе и у русских, как вынос умершего не через входную дверь, а через окно или специально проделанное отверстие в жилище¹. Считалось, что дверь служит живым, а окно или отверстие — мертвым. В этом случае обряд «протаскивания» имел несколько иное назначение или объяснение, а именно обмануть покойника, «запутать его след». Согласно верованиям, мертвец мог вернуться в дом только известным ему при жизни путем. Хотя одновременно с таким похоронным обрядом, в это же время существовало представление, что обряд «протаскивания» или «пронимания» мог исцелить больного чело-

¹ Выражаю большую благодарность своей коллеге Л. Ведутовой за информацию об этом обряде.

века, чаще всего детей. В таких случаях больного пропускали через какое-то отверстие, развилку, специально изготовленный венок и т. д., что символизировало очищение его от всего негативного и постепенное исцеление, что фактически значит переход в иное состояние. Возможно, вынос, то есть «протаскивание» умершего через окно, первоначально мог, как и в древности, иметь такой же очищающий смысл и означать переход умершего в иное состояние.

По прохождении тысячелетий, вероятно, смысл и назначение этого погребального обряда несколько изменились. Из назначения, указующего и, соответственно, облегчающего душе умершего путь в Царство мертвых, очищающего его от земных грехов, обряд «протаскивания» стал иметь иное назначение, и он продолжал бытовать в среде населения на широкой территории. Первоначальное особое отношение к смерти, как к своеобразному путешествию души человека в иной мир, где он продолжал свое бытие; естественно связанный с ним культ предков; похоронному обряду, выражавшееся в возведении таких сложных, внушительных размеров внутримогильных и наземных частей погребальных конструкций, какие мы наблюдаем повсеместно для периода ранних кочевников; а также снабжение умершего пищей и всеми необходимыми предметами для жизни в другом мире, чаще всего дорогих, изготовленных из золота и украшенных мастерски, ювелирно, видимо, постепенно перерождается в представление как о враждебной силе, роковым неизбежном зле, могущем принести вред оставшимся живым родственникам.

Смерть человека всегда была загадочна, необъяснима и потому сильно мифологизирована, главным мифом из которых было бессмертие души и вера в потустороннюю жизнь. Одновременно смерть пугала живущих. И если ранее обряд «протаскивания» имел цель очищения умершего от земных грехов и облегчения его пути в иной мир, то позднее он предназначался для обмана души умершего, для его запутывания, чтобы он не нашел обратной дороги в свой дом и не навредил родственникам.

Возможно, и это назначение обряда «протаскивания», как запутывания, обмана покойного, также могло иметь архаичные корни. Например, ложные входы и дромосы могильника Кеден могли служить не только как указатели и проходы в иной мир, но также и для запутывания и обмана умершего. Ведь ему точно указывалось, куда нужно идти, то есть в никуда, туда, где дальше дороги нет и где дромос также не имел выхода. Не зря дверной проем в кургане № 62 и дромосы в других курганах были не просто обозначены, но и плотно забутованы многослойными камнями, сильно затруднявшими любой проход через них, даже душе умершего.

В связи с этим вспомним, что в Пятом Пазырыкском кургане крышка саркофага-колоды была прижата семью бревнами, не просто положенными поверх крышки, а сложным путем заклиненных прочно через специальный проем, вырезанный в стенках двойного сруба. И это было сделано, вероятно, не столько с целью сохранения от грабителей, которые проникнув в погребальную камеру, могли устранить такую преграду (что и было сделано), сколько для погребенного внутри колоды, чтобы он не мог выйти из нее и навредить живущим родственникам или сородичам. Снабдив покойного погребальной пищей и необходимыми предметами обихода, обеспечивали ему своеобразную «жизнь в достатке» в погребальной камере.

Возможно, отмечаемые исследователями сложные катакомбы и длинные коридоры, проложенные под некоторыми погребальными камерами элитных захоронений в Бешатырском, Чиликтинском могильниках, в Пазырыкских курганах и др. (Руденко, 1953; Акишев, Кушаев, 1963; Толубаев, 2013), имели такой же смысл и назначение, как запутывание покойного, а не как место поминальных тризнов по прошествии времени.

У кыргызов, оказывается, также имел место обряд «протаскивания» через окно², правда, встречающийся очень редко, и только у тех, кто проживал в оседло-земледельческих районах, то есть в домах, а не в юртах. В юртах не возможно было прорубить окно или отверстие в стене. В настоящее время этот обряд почти не встречается, и потому не привлек внимания этнографов. Скорее всего, это делалось в тех случаях, когда семью посещали частые смерти близких родственников, и чтобы умерший не «унес»

² Выражаю большую благодарность коллеге Т. Арзыбаеву, поделившемуся своими наблюдениями.

с собой еще кого-нибудь, чаще всего детей, его пытались обмануть таким образом. Этот обряд мог иметь место и тогда, когда умерший при жизни обладал какими-то особыми способностями, как, например, шаманскими, «черным глазом», «ведьминскими», не всегда добрыми, приносящими вред окружающим, и такой человек внушал страх окружающим, а его смерть усугубляла негативное отношение к нему.

Вполне возможно, что издавна известный у кыргызов и у других кочевых народов обряд помещения умершего в отдельную, специально поставленную для этого юрту, и вынос покойного из этой юрты, кроме практических привилегий, изначально преследовал ту же цель — оградить живущих от мертвеца и проводить его в последний путь из жилища, которого он не знал при жизни. Скорее всего, этот обряд также мог уходить корнями в эпоху ранних кочевников. Ведь ограниченное жизненное пространство юрты противоречило элементарным этическим нормам людей: питаться, спать, детям находиться здесь же, пока в течение определенного времени покойник готовился к погребению. Поэтому помещение покойника в отдельную юрту могло практиковаться еще с очень ранних времен, с эпохи раннего железа, а возможно и ранее, когда основным жилищем была юрта или подобная ей конструкция.

Таким образом, рассмотренные срубные конструкции могильника Кеден со своеобразными имитациями входов и дромосов являются в некотором роде уникальными. Они позволяют проследить интересные элементы погребального обряда определенного рода или племени общества ранних кочевников, которые проживали в данной местности достаточно длительное время, судя по количеству курганов. Их верования и обряд погребения отличались от обряда и верований основной массы кочевого общества I тыс. до н. э., населявших не только территорию Кыргызстана, но и всей Центральной Азии. Они, как и все другие племена, верили в потустороннюю жизнь и в своих погребальных сооружениях устраивали ложные двери и проходы, указывающие путь в иной мир. Одновременно с указанием душе покойного пути, куда следует идти, они ограждали его семью и сородичей от возможного его возвращения и нанесения вреда живущим. И этот обряд был известен с глубокой древности, еще со времен египетских фараонов, затем центральноазиатских ранних кочевников и сохранился вплоть до современности, закономерно в течении такого длительного времени несколько трансформируясь, изменяясь, обрастая разными ритуалами и поверьями в соответствии с реальными условиями жизни людей в определенные исторические периоды.

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрально-Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М., 1952. МПА; № 26.

Греч А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. А., 1950.

Кирюшин Ю. Ф., Степанов Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003.

Кожомбердиев П. Новые данные о сакском периоде в долине Кетмень-Тюбе // АО 1973 года. М., 1973.

Кожомбердиев П. Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. Фрунзе, 1975.

Кожомбердиев П. Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня (по материалам курганных могильников VI в. до н. э. – VII в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук в форме науч. доклада. А., 1986.

Полосьмак Н. В. Стережущие золото грифы. Новосибирск, 1994.

Руденко С. П. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; А., 1953.

Руденко С. П. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; А., 1960.

Ташбаева К. П. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (вопросы хронологии и локальных вариантов): дис. ... канд. ист. наук. А., 1987.

Ташбаева К. П. Новые аспекты в культуре ранних кочевников Тянь-Шаня // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995.

Ташбаева К. П. Археологические комплексы ранних кочевников Тянь-Шаня // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996.

Ташбаева К. П. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н. э.). Бишкек, 2011.

Толубаев А. Т. Проблемы эпохи бронзы и раннего железного века Казахстана. Изб. труды и статьи: Т. 1. Алматы, 2013.